

АЛЕКСАНДР УЛАНОВ

"Отношение искусства к жизни имеет первостепенную важность, особенно в наш скептический век, когда при отсутствии веры в Бога разум обращается к своим собственным созданиям и изучает их не только в эстетическом плане, но и в гносеологическом (они открывают нам знание о нас самих) и в этическом (они нас морально поддерживают)". (Уоллес Стивенс)

Говорят, автор умер. И читатель-интерпретатор открывает в тексте гораздо больше, чем автор; и знает автора лучше, чем тот сам себя знает. Но автор все-таки жив. Например, потому, что он - тоже читатель собственного текста. Автор не претендует вернуть себе исключительную позицию монопольного поставщика смыслов (и зачем, если от нее одни неприятности), но и не согласен на дискриминацию. Он желает получить свою долю возникающих смыслов - не желая при этом отказываться от активности.

Текст появляется/проявляется - как фотопластинка - рядом мест, постепенно становящихся все более отчетливыми. Есть некоторое состояние. Оно не известно, его хочется увидеть. Положить на ладонь. Постепенно подбираются слова (это слово вроде бы не оттуда, это тоже, а вот это, похоже, оттуда). Темы, ритмической фигуры, направления развития вначале нет. Все это появится потом, сначала есть только слова, которые копят, ассоциативно связываясь друг с другом. Так появляется нечто, являющееся новостью и для того, кто это записывает.

Текст, в котором расположение слов определяется их ассоциативными связями, утрачивает опору на повествовательность. Но это скорее освобождение, чем потеря. Литературный язык, основанный на воссоздании социальной речи, в принципе не способен освободиться от ограничивающей его описательной функции (Р.Барт). Напротив, предмет, затронутый суггестивным словом, раскрывается - как внутри, делая доступной собственной глубине, так и вовне, навстречу другим предметам, которые начинают перекатываться и превращаться друг в друга самым неожиданным образом. Текст становится для автора средством раскрытия мира - способом увидеть - взглянуть.

Остаются только ключевые слова, последовательность которых, возможно, неоднозначна, а логико-синтаксическая связь может отсутствовать. Текст становится все более воздушным. "Настоящий труд - это бросательское кружево. В нем главное то, на чем держится узор/воздух, проколы, прогулы" (О.Мандельштам). Предметная представимость тоже может отсутствовать. Что такое "близорукое небо"? Или "клеякая клятва"? Между тем эти сочетания слов действуют вполне определенно, вызывая и ведя далее поток ассоциаций.

Построенное так, "стихотворение не может быть описанием. Каждое стихотворение может быть только событием" (слова Мандельштама по воспоминаниям Л.Я.Гинзбург). Это событие - воссоздание ассоциаций, вызываемых предметом (то есть самого предмета, как он дан памяти или взгляду), воссоздание эмоции, мысли. Воссоздание совершающегося, совершенного в своем совершении. Не называние, не приклейка ярлычка: "это кувшин", "это горечь". Нет: "длинной жадки должник виноватый", "крутая соль торжественных обид". Состояние может быть создано - именно тот его оттенок, что хотел автор - и при этом ни разу не названо. Его название и есть эти слова. Это знали не только в XX веке и не только в Европе. "Если печальное прямо именовать печальным, то слово теряет свой глубинный смысл, а под конец исчезает и чувство печали. Нужно не говорить "грустно, печально", а дать почувствовать печаль без слов" - говорил японский драматург XVIII века Тикамацу Мондзаэмон. Так описание становится переживанием. "Идти дальше в своем переживании мы можем только через язык - в широком смысле этого слова. То есть построив ту или иную конструкцию для переживания" (М.К.Мамардашвили). Текст и строит такую конструкцию переживания. Речь идет не о формулах, крылатых выражениях, ярких образах и так далее, которые в большинстве случаев - лишь заемная мудрость. Речь идет о точке зрения. Об орудиях ощущений - да простит эти слова настроенный более лирически.

Так открывается возможность диалога со всем миром, который неизмеримо богаче отдельного человеческого существования. Этот диалог начинается с диалога со словом. "Чистое творчество требует от поэта речевого самоустранения: поэт уступает инициативу словам, которые, сшибаясь друг с другом, в силу своей

разнородности, тем самым восстают к жизни, посылая друг другу свет и взаимно отражая отблески." (С.Малларме) Автор не посягает на позицию Бога в своем произведении - ему самому там многое неясно. Он признает чужое равноправное существование. Он слушает. А бытие великолепно, если сумеет уловить его голос. Выражающий себя расшвыривает себя в пространстве и становится беден. Вслушивающийся - собирает. Речь должна начинаться с переполнения услышанным, а не с желания быть услышанным.

Построенные так тексты неизбежно трудны для восприятия. Чем больше устранено промежуточных звеньев, тем все более оставшееся - и тем больше тяжесть связи, ложащаяся на читающего/автора. Но иного выхода просто нет. И работа вслушивания, ответ на вызов слов, приводит не только к появлению новых смыслов, но и к изменению восприятия. Так текст становится не только средством взглядывания, но и средством самостроения.

Текст, претендующий на приращение смысла, не должен быть до конца понятен. Приращение смысла и происходит именно при взглядывании в это непонимание. Напротив, момент понимания текста - момент прекращения работы интерпретации - исчерпания глубины - смерти текста. Если автору все ясно в тексте, текст превращается в игрушку. Слова исполняют планы автора, научившегося в совершенстве командовать ими. Но они только подчиняются - без сочувствия. И тем более не намерены откровенничать и выдавать то, что автор не знал бы заранее. Только возможность неповиновения предполагает неожиданность и самостоятельную жизнь. Король одинок. И одиночеством веет на его дела и от его дел. Радость политика, полководца, но не друга. Понимание всего текста как мастерского изделия при точном соблюдении правил - точка зрения шахматиста, а не пишущего/смотрящего. Чем точнее текст реализует концепцию, заложенную в него автором, тем менее он нужен самому автору. Автору остается только получать удовлетворение от демонстрации текста другим. Но и их удовлетворение слишком часто возникает именно от расшифровки замысла автора, то есть - от извлечения концепции, достаточно бедной в своей логичности. Многие напоминают разгадку кроссворда, когда человек всего лишь вспоминает то, что он знал раньше. Так даже стремление к иррациональному получается сухим и логичным.

Текст, стремящийся к приращению смысла, создается по правилам, формирующимся в ходе создания текста и применимым только к нему. Он не может быть написан последовательно от начала к концу. Так можно только собирать автомобили на конвейере. Разговоры о заранее продуманном плане большей частью только показывают, с какими усилиями автор тащил по дороге до читающего мешок с содержанием. Пусть даже по дороге не так много выпало... но ведь ничего и не прибавилось. Причем автор работает в условиях постоянного риска уплотнения содержания, его чрезмерной определенности, риска оставить себя только с тем, что хотел сказать, а читающего - только с тем, что ему говорят. К этому же ведет и чрезмерно точное понимание, зачем это слово здесь стоит. Как автор может отвечать за слово, если текст в целом - воплощение некоей туманности? Где то целое, соответствием с которым автор должен поверять части? Точность слова - такая же изменяемая характеристика, как и точность метра, степень звуковой организованности и т.д. Где-то слово может быть мостом через реку, где-то - полем без тропинок. Кроме того, процесс создания текста бесконечен (П.Валери говорил, что стихотворение заканчивается тогда, когда за ним приходит издатель), и никто не может поручиться, что очередная реакция выделенных смыслов не приведет к исчезновению у автора интуитивной уверенности в точности данного слова.

Многозначный текст неагрессивен. Он не навязывает своей точки зрения как единственно возможной. Он не требует к себе постоянного внимания. Не следить за нитью повествования, затаив дыхание в страхе, не понять смысла событий через две главы. Просто сеть путей, где читающий свободен сам выбирать дорогу. Поле, по которому можно идти, а можно остановиться, посмотреть вокруг себя, подумать о своем. Причем в предлагаемом множестве путей невозможно установить, по какому именно шел автор. То есть автор многозначного текста одновременно и использует язык, чтобы достичь приращения смысла, увидеть в сцеплении слов то, что он раньше не видел - и не открывается наружу, сохраняя свою тайну, свой интимный контакт с тем, на что он смотрит, о чем говорит. Сказать все, что нужно, не разболтав ничего. Поэзия, находясь между строк, учит молчать.

Многозначный текст освобождает автора от искушения проповедью и/или властью. Метафора - плохой солдат, ассоциация - еще худший. Текст не покушается на нашу свободу видеть и понимать. Он помогает сохранить индивидуальности восприятия - а, следовательно, личности автора/читателя - в условиях давления стандартизирующих схем. Ассоциации хранят индивидуальность лучше, чем повествование.

Текст с содержанием, формирующимся в процессе создания, даже при стремлении к выводу, при попытке его увидеть, содержит не только итог, но и путь к нему (скорее уж будет отсутствовать итог, чем путь). Автор/читающий не получает готовую истину - он проделывает путь - и либо вживается в результат,

эт. Улановские моменты в афоризмах, полне короче
наиболее эти моменты более чем не забудутся
И.Савченко. 4.94-46. Тот "решающий момент" в прошлом, после которого появление этого снимка стало уже неизбежным. 1994.

либо чувствует, почему для него он не может иметь истинного значения. Текст - и мир, и его творение. Текст способствует сохранению индивидуальности также тем, что уничтожает речевой автоматизм. Ни одно слово не вытекает автоматически из другого, избыточность информации должна быть равна нулю. Текст выжигает содержащиеся в сознании клише, блокирует путь наименьшего сопротивления. Автор пишет для себя. Однако именно то, что оказывается для него наиболее точным и радостным (радость расширения мира, понимания, узнавания) - оказывается и наиболее "читаемым". Слишком субъективный, написанный на личном языке автора текст - дом из бумаги. (Разумеется, речь не идет о зауми - текст вполне может быть построен не на семантических, а на фонетических ассоциациях). Использование "своего языка" - навешивание наскоро придуманных ярлычков вместо понимания. Путь наименьшего сопротивления. Найдены ли именно те, нужные, слова? Твердость мира (в данном случае, его языка) - то, что дано автору, чтобы он был действительно собой, и действительно был. Речевые клише также недопустимы из-за автора. Если он просто называет "время", "любовь" - скорее всего, он не знает ни времени, ни любви. Просто вешает таблички. Если он говорит, что время - ящерица, то, может быть, он все-таки немного узнал время - какое оно сейчас и для него. Дело не в том, что нужны обязательно образы, "картинки" - а в том, что если что-то названо, оно, скорее всего, не узано.

Поскольку автор становится читателем себя, необходимость подразумевать при создании текста читателя исчезает. Текст становится чистым диалогом с языком, культурой, миром, диалогом, куда не вмешиваются другие лица. Произведение - это то, что, прежде всего, происходит с самим автором. Это ставит автора/читателя в положение одиночества, что не так легко вынести. "Стиль обладает лишь вертикальным измерением, он погружен в глухие тайники личной памяти... Под стилем залегают такие пласты реальности, которые абсолютно чужды слову... Нетрудно представить себе авторов, предпочитающих безгласность, которую сулит им мастерство, одиночество, на которое их обрекает стиль" (Р.Барт) Но путь через это одиночество уменьшает барьер между жизнью и ее описанием. Если впечатление, чувство, мысль появляются именно тогда, когда вызываются слова - то создание/чтение текста и есть часть жизни. И текст, во всяком случае, не менее серьезен, чем жизнь. Это встреча этики и поэтики. Текст как многозначное поле смыслов становится существующим среди всего другого существующего, подобным объекту природы. И то, и другое просто есть. Оно может порождать смыслы, но эти смыслы приходят столь же из поля культуры, сколь из самого предмета/текста. Облако можно рассматривать как цитату из "Гамлета" или Верлена. И точно так же - как независимо от нас живущую сущность, голос, который можно слушать. Состояния движутся, перерастают друг в друга. "Зрячих пальцев стыд", "смола кругового терпенья", "в медленном водовороте тяжелые нежные розы, розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела". Это - переживание окружающего в его полноте.

Текст - максимально содержательная неопределенность. Текст как решение в ситуации, когда однозначный и постоянный ответ невозможен (взаимоотношения с Богом, поиск смысла, путь к другому...). Текст как средство открытия себя, построения себя. Средство прожить несколько жизней - несколькими взглядами. Средство подключения к полю культуры. Текст - это всего только одно из средств интересной жизни - не обязательно в мире текстов.

Автор сидит у окна и пишет текст. Закончив, он выбрасывает его в окно. Возможно, его подберут. Возможно, он никого не заинтересует. Или просто у окна в этот момент никого не окажется, и текст будет унесен ветром в реку и съеден рыбами. Автор уже получил награду свою - пока писал.

Путь к себе через опредмечивание, который Гегель предполагал у абсолютного духа, осуществляется человеком. С пустотой за плечами - порождая из себя и форму своего движения, и опору, и то, в чем впоследствии можно будет узнать себя.

Сейчас много говорят о потере. Потеря индивидуальности, потеря ответственности, потеря контакта с миром, потеря возможности общения. И хочется быть с тем, что не теряет, а находит - создавая.